

«Две жизни Льва Тихомирова» Александра Репникова и Олега Милевского

Предлагаем вниманию читателей дискуссию вокруг монографии докторов исторических наук А.В. Репникова (Москва) и О.А. Милевского (Сургут) «Две жизни Льва Тихомирова» (М.: Academia, 2011. 560 с.). Вполне естественно, что обсуждение достоинств и недостатков научной книги влечет за собой и полемику вокруг *ключевых проблем*, в ней так или иначе затронутых. В данном случае это – *не только* удивительная жизненная метаморфоза Л.А.Тихомирова (1852–1923), неизбежно притягивающая к себе вообще-то очень далеко разошедшихся «по разным углам» исследователей крайних направлений русской мысли и практики. И *не только* загадка индивидуального отступничества и неофитства, как и *превращения* одной системы ценностей и убеждений в другую. Это ещё и конфликт между идеями, увлекающими целые «партии», и человеческой натурой, несводимой к идеологии, – сюжет, до сих пор, может быть, более разработанный русской литературой, но, несомненно, достойный внимания историков. Наконец, редакция исходит из того, что дискуссию о «двух жизнях» Льва Тихомирова представляет своеобразный оселок и для её организаторов, участников и, в конечном счете, для наших читателей. Станем ли мы подобно персонажам чеховских пьес, созданных в годы расцвета идейного направлениства, даже общаясь между собой, все-таки *не слышать* друга друга?

В обсуждении приняли участие: доктора исторических наук И.Н. Гребёнкин (Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина), В.В. Зверев (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), А.А. Иванов (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург), кандидаты исторических наук Г.С. Кан, В.М. Шевырин (Институт научной информации по общественным наукам РАН), М.В. Шерстюк (Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева).

Игорь Гребёнкин: Личность трудная для жизнеописания

Книги, созданные в жанре исторической биографии, обычно объединяет одна особенность. Жизнь и деяния их героев чаще всего проникнуты неким общим пафосом и освящены единой идеей. В этом смысле фигура Льва Александровича Тихомирова представляется очень трудной для исторического жизнеописания. Слишком разные и, казалось бы, совершенно несовместимые роли вместила в себя его жизнь: пропагандист-народник, политический подследственный, один из руководителей и идеологов «Народной воли». Затем – видный консерватор-монархист, соратник Петра Столыпина, редактор официозных «Московских ведомостей», православный мыслитель.

Собственно, «две жизни» в названии книги – лишь условность, метафора, вызванная тем крутым поворотом, который взгляды и убеждения Тихомирова претерпели ровно посередине его жизненного пути. Это название определяет и логику исследования, хотя у Тихомирова не было в полном смысле обращения «из Савла в Павла». Наблюдая за восхождением молодого революционера, думающий читатель не может не задаваться вопросом, который является, возможно, центральным в книге: что же предвосхитило последующий поворот во взглядах героя? В чем заключалась та скрытая до поры причина, которая со временем заставила его не просто покинуть революционный лагерь, но и примкнуть к тем, кого революционеры ненавидели и против кого боролись? К ответу авторы подходят с понятной осторожностью. Склонность Тихомирова к тео-

ретическим занятиям, как сильную сторону, отмечал его соратник по Исполнительному комитету «Народной воли» М.Ф. Фроленко. Но теоретизирование было и слабой стороной Тихомирова как революционера. Те, кто непосредственно и активно действовал, просто не имели времени для сомнений. Тихомиров же, именно в силу теоретического склада ума в итоге пришёл к опровержению своих первоначальных позиций и симпатий. Сыграл свою роль, вероятно, и срок, проведённый Тихомировым в заключении и послуживший в силу качеств, присущих именно его личности, своего рода прививкой от действительно рискованных практических дел. Авторы также обратили внимание на то, что уже в 1879 г. политико-исторические воззрения Тихомирова отличались явно выраженным «государственным оттенком», признанием решающей роли централизованной государственной власти для судеб России. Правда, тогда Тихомиров видел в государстве универсальное средство, с помощью которого можно было бы улучшить жизнь угнетённых классов, что привлекло симпатии народолюбцев, чьи взгляды в рамках бакунинской платформы нуждались в новых, более реалистичных ориентирах. Ещё один шаг в сторону от народолюбчества последовал весной 1881 г. после казни первомартовцев. Его старые товарищи были казнены, лишены свободы или ушли в бег. В этот период у Льва Александровича, бывшего человеком, нуждавшимся в сильных и волевых единомышленниках и их постоянной поддержке, усиливается психологический надлом. Однако подлинный переворот в убеждениях Тихомирова, в результате которого происходит превращение его из идеолога революционного движения в теоретика консерватизма и православного монархиста, пришёл на годы эмиграции. Он ещё участвует в разборе дегаевского дела, печатается в «Вестнике “Народной воли”», но уже не верит в перспективу дальнейшей открытой борьбы. Это мнение подкрепляют известия о новых арестах в России. Впрочем, исследуя метаморфозу Тихомирова, авторы не склонны искать одну-единственную причину и рассматривают самые разные факторы и события, повлиявшие на изменение в его настроениях, а порой явно их формировавшие.

Высочайшее помилование и возвращение Тихомирова в Россию, последовавшее в начале 1889 г. положило начало его «второй» жизни, в которой он выступал как консервативный писатель и общественный деятель, идеолог монархизма. Как показывают авторы, в революционной «жизни» Тихомирова уже зрели идеи «монархической государственности», а став консервативным, он порой размышлял исходя из своего прошлого революционного опыта и знаний. Целью своей деятельности на родине он теперь видел пропаганду среди российского юношества со страниц умеренно-консервативных изданий «положительной» программы борьбы с революционным радикализмом. Однако до конца жизни Тихомирову так и не удалось преодолеть трагического одиночества: охранители не могли окончательно принять его как своего, а прежние соратники отвергли решительно и безоговорочно. Он стал «чужим» всюду.

Главное достижение авторов монографии состоит в том, что им удалось, оставаясь максимально беспристрастными к поворотам жизненного пути Тихомирова, понять его и рассказать о нём и его времени. Не обольщаясь иллюзиями наших дней (будь это неумеренная апологетика монархизма, либерализма, или любых форм радикализма), они смогли разглядеть в жизни и взглядах главного героя книги то рациональное, что мы сможем извлечь из прошлого для дня сегодняшнего.

Григорий Кан: Что остается «для вечности»?

Из всего вышедшего о Тихомирове монография А.В. Репникова и О.А. Милевского производит наиболее благоприятное впечатление. Она фундаментальна – охватывает всю жизнь героя повествования, написана на основе огромного количества источников – как опубликованных, так и архивных – и (за исключением отдельных моментов) лишена той идеологически-публицистической тональности, которую легко можно было бы ожидать от авторов, явно симпатизирующих Тихомирову-монархисту. Книга является позитивистской в лучшем смысле этого слова, т.е. честно воссоздающей факты из

жизни человека, которому посвящена. Кроме того, несомненным достоинством исследования Репникова и Милевского следует признать хороший литературный язык.

В то же время целый ряд мнений и обобщений Репникова и Милевского о личности и взглядах Тихомирова-революционера представляется спорным и просто повисает в воздухе – в том числе тезис о единстве воззрений Тихомирова на государство и его роль в истории России во все периоды его жизни (с. 202), являющийся одной из основных идей книги.

Говоря о взглядах Тихомирова народовольческого периода, авторы монографии несколько раз (с. 97, 103, 107, 157) подчёркивают, что он не разделял демократические идеи, не ценил гражданские свободы и являлся сторонником революционной диктатуры, декретирующей сверху необходимые преобразования. В исторической литературе воззрения такого рода характеризуются как «бланкизм». Публикации Тихомирова в газете «Народная воля», где им высказывалась другая – демократическая – точка зрения, Репников и Милевский считают плодом коллективного творчества. Они заявляют, что эти статьи обсуждались и утверждались на заседаниях Исполнительного комитета (ИК) организации (с. 107), а сам Тихомиров не имел возможности проводить своё мнение из-за гнёта «революционной цензуры» (с. 113).

Все эти суждения представляются совершенно не соответствующими исторической действительности. Лев Александрович был утверждённым ИК редактором партийной газеты, ему полностью доверял фактический лидер «Народной воли» А.Д. Михайлов и остальные члены ИК. О какой-либо цензуре над Тихомировым не могло быть и речи, и ни в одном из известных нам источников не содержится подобной информации. В своей газете он мог писать всё, что считал нужным, и если какие-то его мысли не попадали на страницы издания, то вовсе не из-за давления товарищей, а по его собственным соображениям. Что же касается воззрений Тихомирова народовольческого периода, то в 1888 г. (в прошении о помиловании) он определял их неоднозначно: государственный переворот «с целью созыва Учредительного собрания или, смотря по обстоятельствам, для захвата власти революционной диктатурой»¹. Как видим, «диктатура» у Тихомирова действительно есть, но Учредительное собрание всё же на первом месте.

В одной из важнейших своих статей «Желательная роль народных масс в революции»² Тихомиров писал: «Для народа важно достигнуть лучших общественных форм, но ещё важнее – достигнуть этого самому». Далее он прямо заявлял, что в случае победы революции не надо декретировать необходимые реформы, а «призывать повсюду народ к захвату власти и осуществлению его заветных желаний... и свою центральную власть держать в руках исключительно для того, чтобы помочь организовать народу»³. Приблизительно то же самое утверждал Лев Александрович и в статье «Чего нам ждать от революции?» (1884 г.), ключевые места которой цитируются Репниковым и Милевским (с. 169–170). Об этом же свидетельствует и приводимая в книге программа Тихомирова для журнала «Дело», относящаяся к 1881 г. (с. 127). Несколько раз он в своих статьях писал об огромной ценности прав и свобод личности: «Социализация жизни имеет своей целью возвышение, а не подавление личности, её свободы и благосостояния»⁴; «Всматриваясь в общий ход истории, мы видим, что уродливости погибают, торжествует же тип нормальный, т.е. такой, в котором наибольшая степень обобществления соединена с развитием личности, а стало быть, с обеспечением её индивидуальной свободы и коллективного самоуправления»⁵.

Только в одном документе Тихомиров допускает бланкистские высказывания – это письмо от имени ИК «Народной воли» к заграничным товарищам (декабрь 1881 г.).

¹ Тихомиров Л. Воспоминания. М., 2003. С. 294.

² «Народная воля». 1880. 5 декабря. № 4.

³ Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 93.

⁴ Там же. С. 131. («Народная воля». 1881. 23 октября. № 6).

⁵ Вестник «Народной воли». 1885. № 4. С. 252.

Там сказано: «Если бы государственный переворот дал нам власть, то мы её не выпустили бы до тех пор, пока не поставили бы прочно на ноги народ». Впрочем, затем Тихомиров оговаривается: «Мы это народное опекание в вечную систему не вводим, и как только народ прочно утвердится, мы сочтём долгом созвать Земский собор»⁶. Рискну предположить, что бланкистский пассаж в этом письме идет не столько от Тихомирова, сколько от М.Н. Оловенниковой, единственной в ИК действительно убежденной сторонницы революционной диктатуры и декретов. Сам Лев Александрович вспоминал в «Тнях прошлого», что Оловенникова умела «внушить собеседнику свою мысль как будто его собственную»⁷. Далекий от бланкизма народоволец В.С. Лебедев в № 8–9 «Народной воли» под её почти гипнотическим влиянием также написал целый абзац в бланкистском духе⁸. Тем более могла она влиять и на Тихомирова, с которым поддерживала дружеские отношения.

Обращу внимание и на то, что Тихомиров в своих поздних воспоминаниях неоднократно подчёркивает приверженность «Народной воли» к демократическим ценностям, резко отделяя народовольцев от большевиков. «Она (народовольческая интеллигенция. – Г.К.) хотела политического переворота на началах свободы и демократии, а вовсе не диктатуры пролетариата»,⁹ – пишет он в очерке «Яков Стефанович». В другом месте Тихомиров высказывается ещё определённое: «Этих якобы социалистов-революционеров (народовольцев. – Г.К.) нужно называть просто радикалами. Они были и демократами, и республиканцами, и в этой области имели убеждения горячие, за которые отдавали жизнь... Из социализма никто не собирався делать практического употребления»¹⁰. Мнение Тихомирова не совсем справедливо – в программе «Народной воли» и воззрениях большинства народовольцев существенное место занимала аграрная реформа в виде социализации земель (сам термин придуман позднее эсерами). Но в том, что народовольцы не собирались силой навязывать стране социалистические идеалы – Лев Александрович абсолютно прав. Таким образом, можно сделать вывод, что бланкистские идеи в народовольческий период выражены у Тихомирова весьма слабо, а преобладает всё же демократическая направленность, понимание ценности гражданской и политической свободы. Всё это видно и по цитатам, которые приводят Репников и Милевский (с. 127, 169–170), но они почему-то делают противоположное заключение.

Авторы книги совершают и другую, не менее крупную ошибку в освещении личности Тихомирова-революционера – они сильно преувеличивают его отчуждение от терроризма и неприязнь к нему. Во многом эта точка зрения идёт от самого Тихомирова, который, став монархистом, постоянно заявлял, что никогда не был сторонником террора, всегда считал террористов на ложном пути, не принимал участия ни в одном террористическом акте и т.п.¹¹ Таким самовнушением Тихомиров успокоил свою монархическую совесть, но это совершенно не должно было обманывать Репникова и Милевского. Более того, авторы монографии пишут, что после взрыва в Зимнем Дворце 5 февраля 1880 г. Тихомиров, потрясённый «чудовищными результатами кровавой акции», окончательно убедился в «губительности» и «безнравственности» терроризма (с. 109). На этом тезисе остановимся особо.

Во-первых, число погибших от этого взрыва вовсе не было чудовищным даже для того времени – всего 11 человек, причём все они были солдатами царского караула, т.е. представителями власти, хотя и подневольными. Конечно, смерть любого челове-

⁶ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. 1876–1882 гг. М.; Л., 1965. С. 321.

⁷ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 314.

⁸ Кузьмин Д. [Колосов Е.Е.] Народовольческая журналистика. М., 1930. С. 102–103, 116.

⁹ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. С. 288.

¹⁰ Там же. С. 421.

¹¹ Тихомиров Л. Воспоминания. С. 173, 181, 194, 293–294, 296–297; он же. Тени прошлого. С. 376.

ка – трагедия, но в таком случае гораздо более чудовищными были цифры умерших во время предварительного заключения участников «хождения в народ», арестованных большей частью ни за что, за «вздор» (как писал о себе Лев Александрович). Таковых, как известно, было 43 человека. И, во-вторых, мне не известен ни один источник, свидетельствующий, что неудачный взрыв в Зимнем Дворце вызвал у Тихомирова разочарование в народовольческой тактике терроризма. Он дважды писал об этом событии – в 1883 г.¹² и в начале 1920-х гг.¹³, но в обоих случаях в тексте отсутствуют какие-либо моральные сентенции. Хотелось бы иметь ссылку на материалы, откуда Репников и Милевский почерпнули свою информацию.

Кроме того, после взрыва 5 февраля 1880 г. Тихомиров в той или иной степени участвовал в подготовке еще трёх террористических актов, что вряд ли могло бы иметь место при его негативном отношении к террору. Авторы книги пишут лишь об одном из таких актов – убийстве инспектора секретной полиции Г.П. Судейкина (с. 159, 161–162), но умалчивают или не знают о двух других. Это – царубийство 1 марта 1881 г. и убийство киевского военного прокурора В.С. Стрельникова в Одессе 18 марта 1882 г. Народоволец А.В. Тырков (родной брат знаменитой деятельницы кадетской партии, мемуаристки и феминистки А.В. Тырковой-Вильямс) свидетельствует, что именно Тихомиров в ноябре 1880 г. пригласил его, как и ещё нескольких человек, принять участие в специальном отряде для наблюдения за выездами императора из Зимнего Дворца. Вместе с С.Л. Перовской Лев Александрович присутствовал и на первом заседании этого отряда¹⁴. Что же касается убийства Стрельникова, то вопреки свидетельству Тихомирова¹⁵, решение о нём принимали не одесские народовольцы, а ИК по предложению Фигнер¹⁶. А после этого Тихомиров, согласно неопубликованным воспоминаниям народоволки П.С. Ивановской, лично приходил на конспиративную квартиру напутствовать террориста – Н.А. Желвакова¹⁷.

Весьма искаженно подают Репников и Милевский попытку Тихомирова выйти из ИК «Народной воли» в конце августа 1880 г. Согласно цитируемым ими воспоминаниям народоволки А.П. Корба, его устыдили морально, напомнили о невозможности выхода из ИК его членов и затем дали отпуск для поправки здоровья (с. 114–115). И якобы сильно разочарованный в народовольчестве (с. 112–113), Лев Александрович подчинился такому решению. Во-первых, ошибается Корба – в уставе ИК разрешался выход его членов из комитета (как и из организации) при согласии ИК¹⁸. Авторы монографии в данном случае не проверили свидетельство мемуаристки, которую подвела память. Во-вторых, никто не стал бы чинить препятствий Тихомирову, если бы он настоял на выходе из ИК. Как написала Фигнер, «его поняли бы, он получил бы свободу от обязательств и мог бы жить частным человеком»¹⁹. Раз Тихомиров ничего подобного не сделал, это могло означать лишь одно – он не был разочарован в идеях «Народной воли» и не собирался покидать организацию.

Отмечу ещё, что Репников и Милевский склонны противопоставлять боязливого, но способного к сомнению и рефлексии Тихомирова – его товарищам-народовольцам. Последние характеризуются как «герои», «лишенные фантазии», не способные понять, «что за душевным порывом, за желанием облагодетельствовать всех может последовать боль, горе близких или даже смерть» (с. 81). Мне неясно, на чём основано такое мнение.

¹² Тихомиров Л. А. Пребывание Халтурина в Зимнем Дворце // «Народная воля» и «Черный передел». Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. Л., 1989. С. 258–266.

¹³ Тихомиров Л. Тени прошлого. Степан Халтурин // Каторга и ссылка. 1926. № 4. С. 84–96.

¹⁴ Тырков А. К событию 1 марта 1881 года // Былое. 1906. № 5. С. 145.

¹⁵ Тихомиров Л. Тени прошлого. Степан Халтурин. С. 96.

¹⁶ Фигнер В. Запечатленный труд // Фигнер В. Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1932. С. 291.

¹⁷ ГА РФ, ф. 533, оп. 1, д. 1295, л. 174 об.

¹⁸ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. С. 200.

¹⁹ Фигнер В. Лев Тихомиров // Фигнер В. Полное собрание сочинений. Т. 5. С. 289.

Достаточно прочесть письма А.Д. Михайлова и А.И. Баранникова²⁰, воспоминания и автобиографические показания Фигнер, дневник уже упоминаемого Желвакова²¹, чтобы убедиться, что фантазия, понимание нравственных проблем, связанных с насилием и смертью, присутствовали у этих людей в гораздо более обострённой и глубокой форме, чем у Тихомирова. Михайлов писал своим родным 20 марта 1882 г.: «Своя смерть может принести удовлетворение, но смерть друга, товарища, просто человека и даже врага вселяет только тяжёлые чувства»²². А Фигнер в автобиографии, написанной вскоре после её ареста в 1883 г., утверждала следующее: «Насилие, совершается ли оно над мыслью, над действием или жизнью человеческой, никогда не способствует смягчению нравов. Оно вызывает ожесточение, развивает зверские инстинкты, возбуждает дурные порывы и побуждает к вероломству; гуманность и великодушие несовместимы с ним. И в этом смысле правительство и партия, вступившие, что называется, в рукопашную, конкурируют в разращении окружающей среды»²³. Тихомиров до таких позиций не смог дорасти никогда.

Разочаровывает заключение к обсуждаемой книге, где подводятся только итоги деятельности Тихомирова-монархиста, но не делаются выводы о его личности в контексте всей жизни. Вообще в работе есть факты и их анализ, но не хватает синтеза – настоящей интеллектуальной оценки жизненного пути и мировоззрения её героя, в том числе и его перехода от революционно-демократических идей к монархизму. Масштаб фигуры Тихомирова, глубина и тонкость его суждений сильно преувеличивается любящими его авторами, что служит причиной слабости концептуально-оценочной стороны их исследования.

На мой взгляд, сердцевину воззрений Тихомирова-монархиста составляли неприязнь к демократии и парламентаризму. Наблюдая за французской политической жизнью, он пришёл к выводу, что демократия – это совершенная ложь, ширма для господства тех честолюбцев и политиканов, кто умеет искуснее других обманывать народ, превращаемый в толпу (с. 186–187, 211–212, 222, 260–261, 276–278). Авторы книги называют такие взгляды «аргументированной критикой» парламентаризма (с. 260) и оставляют их без всякого комментария. Спору нет, всякая демократия, а тем более такая незрелая, появившаяся во Франции лишь в 1870-е гг., имеет те черты, о которых писал Тихомиров. Но парламентская система, выборы, борьба партий – это лишь половина того, что называется демократическим устройством, политической свободой. Вторая её часть – это свобода гражданская, личная, которая обеспечивается разделением властей, независимостью судов, гарантиями личных прав, свободой совести, слова, печати, собраний. Вообще уважение к личности, её праву на собственное мнение, на свободу действий и поступков в рамках закона – одно из фундаментальных завоеваний западной цивилизации, утверждавшееся веками.

Всё это абсолютно чуждо Тихомирову-монархисту. Сделавшись сверхортодоксальным православным христианином, он решил, что человек есть существо по своей природе греховное, склонное ко злу, а всякая свобода личности ведёт к отсутствию у него сдерживающих нравственных начал, торжеству зла и пороков. Отсюда следовало заключение о фальши, лживости и ненужности внешней свободы без свободы духовной, которая возможна только при крепких нравственных авторитетах, поддерживаемых сильной и жёсткой властью, т.е. самодержавием²⁴. Даже к религиозным поискам в рамках христианства и православия Тихомиров относится резко отрицательно.

²⁰ Письма народовольца А.Д. Михайлова. М., 1933; Народоволец А.И. Баранников в его письмах. М., 1935.

²¹ Волк С. Неизданный некролог Н.А. Желвакова // Каторга и ссылка. 1929. № 12. С. 178–179.

²² Письма народовольца А.Д. Михайлова. С. 277.

²³ Из автобиографии Веры Фигнер // Былое. 1917. № 4. С. 79.

²⁴ Тихомиров Л. Воспоминания. С. 303.

Не только Лев Толстой, но и Владимир Соловьёв вызывает его самое резкое неприятие (с. 262–263, 265–266).

Складывается ощущение, что Тихомирову не хватает как раз той самой фантазии, воображения, которого авторы монографии не нашли у героев «Народной воли». Гуманистические ценности для него просто не существуют – он не замечает, что в настоящем самодержавии при «носителе идеала» Александре III, как и при его преемнике, постоянно совершаются преступления против человека, его прав и его достоинства. Многие друзья Тихомирова из числа народовольцев, в том числе и самый близкий друг – А.Д. Михайлов – погибают вследствие тяжёлых условий заключения в тюрьмах именно при этом «идеальном» императоре. Людей сплошь и рядом сажают за «вздор», за бумажку, как в своё время посадили и самого Льва Александровича. Студентов исключают из высших учебных заведений и высылают на север или в Сибирь по малейшему подозрению в политической неблагонадёжности, как то хотели сделать с ним же в 1878 г. В стране (уже в начале XX в.) часто расстреливаются мирные демонстрации, а карательные экспедиции, подавляющие вооружённые восстания, оставляют после себя огромное количество убитых – гораздо больше, чем жертвы от самих восстаний.

Поставив один раз – в работе «Почему я перестал быть революционером» – проблему невозможности оправдания насилия и убийства (с. 201), Тихомиров никогда в дальнейшем эту тему не развивает. Его позиции предельно ясны: правительственное насилие оправдывается, революционное – осуждается. Все революционеры воспринимаются им как «подлецы» и «мразь», которых вешать надо (с. 232). Ему, вероятно, казалось, что такие чистые, героические и прекрасные фигуры, как Михайлов, Лопатин, Фигнер и т.п. существовали только в его революционную эпоху. Между тем С.В. Балашев, Е.С. Созонов, И.П. Каляев, Н.С. Климова, З.В. Конопляникова, Е.П. Рогозинникова и многие другие революционеры нового поколения по своей чистоте, самоотверженности и нравственному обаянию не уступали лучшим из народовольцев.

Весь Серебряный век русской культуры с его неисчислимым богатством религиозных, философских, этических и эстетических исканий полностью проходит мимо Тихомирова – стареющий монархист не понимает его и не интересуется им (с. 496). Лев Толстой и Владимир Соловьёв, видимо, были последними неортодоксально-религиозными мыслителями, которых он хотя бы внимательно изучил, прежде чем отвергнуть. В письме к В.Л. Бурцеву от 14 августа 1906 г. Тихомиров упрекает своих бывших товарищей в сектантстве: «Я давно стал жить с людьми вообще и в течение жизни всё более вставал на общечеловеческую почву, а они, товарищи, замыкались в свой кружок, всё более съёживающийся» (с. 112). Этот упрёк вполне можно переадресовать ему самому.

Итоговая книга Тихомирова «Религиозно-философские основы истории», которую Репников и Милевский считают оригинальным, глубоким сочинением (с. 495), одной из вех отечественной историко-философской мысли (с. 496), производит самое удручающее впечатление. Во-первых, она более чем наполовину компилятивна и пересказывает сочинения других авторов. Во-вторых, книга проникнута абсолютно искусственной идеей борьбы двух начал: 1) дуалистического – признающего как бытие Бога, так и «бытие тварное», т.е. земное, Богом созданное, и 2) монистического, считающего весь мир единым целым и отрицающего Создателя. Против дуалистического начала постоянно борются многочисленные тайные общества, маги, тамплиеры, масоны, еврейство, рационалисты, материалисты, социалисты и т.п. Словом, кругом одни заговоры против христианства и Церкви. Всё это сильно напоминает популярные ныне работы на конспирологическую тематику.

Монархические писания Тихомирова и его дневники большей частью скучны, односторонне-унылы и крайне догматичны. Нестандартные и оригинальные идеи бывают у него редко, и относятся в основном к деталям, частностям. Впрочем, дневник за 1915–1917 гг., опубликованный А.В. Репниковым, представляет исключение: он действительно интересен благодаря обилию в нём критики власти и мемуарным вкраплениям. Но в целом я вполне согласен с той характеристикой, которую дал Тихомирову

В.В. Розанов: «Какой же это “средний человек”, и не более. Просто это “директор департамента”, без гения, без “Гоголя” в себе – по глубине, без “Пушкина” – по очаровательности и округлости» (с. 339).

Была всё же в нём одна черта, выделяющая его, хотя бы отчасти, из числа средних людей. Это – острая наблюдательность, соединённая с иронией. Именно она сделала Тихомирова незаурядным мемуаристом. По моему мнению, его «Тени прошлого», созданные в начале 1920-х гг., как и некоторые воспоминания, написанные в 1882–1887 гг. – единственное, что останется от него для вечности. В целом же мемуарное наследие Тихомирова заслуживает дифференцированной оценки. Так, Репников и Милевский очень подробно цитируют фрагменты из написанных им в 1894–1898 гг. незаконченных воспоминаний, где студенчество рубежа 1860–1870-х гг. изображено в самых мрачных тонах. В результате вырисовывается далёкая от объективности картина процесса формирования оппозиционных и революционных взглядов у молодёжи того времени: она в массе своей совершенно неразвита, ничем не интересуется, ничего не читает, страдает душевной пустотой, живёт бесцельно и бессмысленно, занимаясь от нечего делать кутежами и выпивкой (с. 43–45). Вслед за тем, опираясь на мемуары других «семидесятников», авторы пишут о страстном интересе тогдашнего юношества к социальным вопросам, о возникновении кружков самообразования, где ведутся отчаянные споры, пишутся рефераты, читаются взахлёб «Исторические письма» П.Л. Лаврова, сочинения М.А. Бакунина, Ф. Лассалья, Дж.С. Милля, О. Конта, Г. Спенсера, Г.-Т. Бокля (с. 45–46). Действительно, воспоминания В.Н. Фигнер, Н.А. Чарушина, С.Л. Чудновского, О.В. Аптекмана и многих других мемуаристов создают совсем не похожий на «тихомировский», даже прямо противоположный ему коллективный портрет молодёжи 1870-х гг. Но Репников и Милевский словно не замечают этот диссонанс, и в результате их текст выглядит просто нелогичным.

Истина всегда бывает более сложной, чем это представляется каждой из сторон конфликта. Однако есть основания полагать, что в большей степени неправ Тихомиров, нежели все остальные авторы воспоминаний. Конечно, он нигде не лгал сознательно, и описанные им студенты, разумеется, существовали, хотя, по-видимому, не они определяли лицо тогдашнего юношества. Дело тут в другом: агрессивно-монархическое мировоззрение, всецело владевшее Тихомировым в 1890-е гг., приводило его к *невольному* искажению фактов и окарикатуриванию всего связанного с его революционным прошлым. Фигнер в 1930 г. сравнивала его мемуары с отражением лица в вогнутом или выпуклом зеркале: «Там, местами, мелькнёт тень правды, призрак её, но правды, искажённой натяжками, неправдой»²⁵.

Гораздо более объективными представляются поздние мемуары Тихомирова «Тени прошлого». Не только в очерке о знаменитом революционере Я.В. Стефановиче – как совершенно правильно подмечают авторы (с. 495) – но и во всех «Тенях...» отсутствуют сарказм и злость в изображении революционного движения и его ключевых фигур. Так, Г.В. Плеханов, который в воспоминаниях 1890-х гг. выведен как человек «далеко не хороший, сухой, самолюбивый, задорный, мстительный, чуждый великодушия»²⁶, в «Тенях прошлого» получает совсем иную оценку. Здесь Тихомиров пишет, что «Плеханов был очень хороший и безусловно честный человек». Конечно, не забывает Лев Александрович и о таких чертах плехановского характера как «болезненная раздражительность самолюбия»²⁷, нетерпимость, убежденность в собственном превосходстве²⁸. Но общая оценка его личности всё же остается положительной. Думается, что по этому примеру вполне можно судить, насколько далёкими от истины и искажёнными в отрицательно-карикатурную сторону были воспоминания Тихомирова 1890-х гг.

²⁵ Фигнер В.Н. По поводу исследовательской работы Д. Кузьмина «Народовольческая журналистика» // Кузьмин Д. [Колосов Е.Е.] Указ. соч. С. 232.

²⁶ Тихомиров Л. Воспоминания. С. 126.

²⁷ Тихомиров Л. Плеханов и его друзья. Л., 1925. С. 18.

²⁸ Там же. С. 36.

Книгу Репникова и Милевского сильно портит обилие неточностей в изложении фактов, касающихся революционного движения и создающих в целом ощущение определенной недоработанности исследования. Так, «апостолом тотального разрушения» в русской радикальной мысли называли не Д.И. Писарева (с. 34), а М.А. Бакунина. 24 июля 1878 г. при разгоне демонстрации в Одессе после вынесения смертного приговора революционеру И.М. Ковальскому были убитые и раненые не с обеих сторон (с. 85), а только со стороны демонстрантов, о чём пишет даже официальный источник²⁹. Знаменитый народоволец М.Ф. Фроленко, вопреки мнению авторов (с. 91), не участвовал в заседании Центрального кружка «Земли и воли» в конце марта 1879 г. по поводу предстоящего покушения А.К. Соловьева на Александра II. Один из первых террористов-«политиков» В.А. Осинский не был ни народовольцем, ни теоретиком нового направления, как то утверждают Репников и Милевский (с. 93). Письмо Стефановича к своему другу Л.Г. Дейчу весной 1883 г. перехватил не абстрактный народовольческий центр в России (с. 155), а конкретный человек – знаменитый авантюрист и предатель С.П. Дегаев³⁰. Вместе с тем, несмотря на спорные места и ошибки, обсуждаемая работа всё же является очень большим шагом вперёд в изучении фигуры Тихомирова. Авторы проделали огромный труд, ввели в научный оборот массу свежего материала и неизвестных фактов³¹.

Максим Шерстюк: Без любви нет понимания

Историческое жизнеописание, безусловно, не сводится, да и не может сводиться к простой биографии. Подобного рода исследование должно создать целостный и объёмный образ изучаемой личности, так сказать, воскресить её к жизни. Достижение этой цели позволяет глубже разобраться в идеях, помыслах, идеологии и смысле поступков исследуемого объекта, выявить его социальные связи, приоритеты и проч. и тем самым, вписывая его в исторический контекст соответствующей эпохи, не только уразуметь её, но понять и прочувствовать. Кроме того, и это, на мой взгляд, немаловажно, подобный подход к жизнеописанию, т.е. оживление персонажа, позволяет построить своеобразный мост между современным обществом и его прошлым, его предками, расширить рамки социального организма, включить в конгломерацию современников наиболее ярких людей прошлых эпох, сделав общество культурно богаче и насытив его дополнительной информацией.

Как же можно этого добиться? Ведь даже самая подробная историческая биография не в силах оживить её носителя. Для исследователя, на мой взгляд, существует только один способ – надо полюбить изучаемую личность. Ведь только любовь позволяет проникнуться мыслями и чувствами человека и, сопереживая, понять его. Логику и смысл его действий и помыслов, глубину целей, мировоззрение и жизненные принципы. А прошедшее понимание как раз и наполнит историческую персоналию объёмом, оживит её. В этом процессе историк уподобляется Творцу, который есть выраженная Любовь и ею созидает всё сущее. Подобное отношение, естественно, совсем не ново. Как тут не вспомнить «Маятник Фуко» Умберто Эко. При таком подходе историк, как творческий деятель, опирается на те же самые методы, что и писатель, актёр или художник. Особо хотелось бы отметить, что эта методология распространяется на любую историческую персону, независимо от её «положительности» или «отрицательности».

Обсуждаемая нами работа о Л.А. Тихомирове заявлена как «попытка максимально охватить все стороны жизни и деятельности этого яркого и неординарного мыслителя»

²⁹ Хроника социалистического движения в России. 1878–1887 гг. Официальный отчет. М., 1906. С. 27.

³⁰ Дейч Л. О сближении и разрыве с народовольцами // Пролетарская революция. 1923. № 8. С. 52–53.

³¹ Выражаю искреннюю благодарность кандидату исторических наук Ю.А. Пелевину за ценные советы и помощь при подготовке текста данного отзыва.

и «первый совокупный анализ» его биографии. Книга должна была стать «своеобразным “ключом” к пониманию мировоззрения Льва Александровича. В монографии предпринята попытка рассмотреть оба “круга” его жизни и представить читателю свою точку зрения на эволюцию и развитие его мировоззренческих установок, определявших его поступки... Авторы книги... подводят этой монографией определённый итог своей научной деятельности» (с. 24–25). Такая серьезная заявка требует и серьёзного подтверждения. И, действительно, работа выполнена на высоком профессиональном уровне. Особого упоминания заслуживает прекрасный историографический обзор, который может служить настоящим образцом для подобного рода разделов. Использован широчайший круг источников. Пожалуй, можно без преувеличения сказать, что только отдельные и не самые значимые источники не попали в сферу внимания авторов. Впечатляет объём привлечённых архивных материалов. При этом, прекрасно владея ими, авторы, где возможно, приводят ссылки на современные переиздания источников. Ценны и приложения к работе, включающие три статьи Льва Тихомирова о взаимоотношениях России с Дальним Востоком, библиографию и основных исследований о нём. Монография снабжена качественным именованным указателем, облегчающим работу с ней.

Однако по прочтении книги возникают некоторые вопросы, недоумения и сожаления. Начну с замечаний технического характера. Книга вышла в издательстве «Academia», имеет научного редактора, четырёх рецензентов, в издательстве есть свой редактор и корректор. Но, видимо, времена «академических изданий» остались в «проклятом советском прошлом». Многочисленные опечатки режут глаз, текст изобилует повторами, что говорит о его невчитанности или торопливости в подготовке к печати. В книге много неточностей, которые не имеют принципиального значения, однако тем досаднее, что авторы тщательно стараются подмечать все ошибки и проколы своих коллег и оппонентов. Не указывая на очевидные опечатки, приведу для подтверждения своих слов только несколько примеров. Уже на с. 12 мы сталкиваемся с дословным повтором мысли об определённой исторической недобросовестности молодых исследователей, как в самом тексте, так и в примечании на той же странице. На с. 274 дважды повторяется фраза: «Император Александр III не был только выразителем идеи. Он был истинный подвижник, носитель идеала».

Авторы чрезвычайно вольно для биографического повествования обращаются с информацией о семье Л.А. Тихомирова. Так, они сообщают на с. 125, что в «ноябре 1881 г. Екатерина Дмитриевна родила ему вторую дочку», но имя её не называют. Нет сведений и о рождении его второго сына. Ни слова не говорится о младшей сестре Льва Александровича, тогда как в его дневниках и воспоминаниях содержатся исчерпывающие сведения о ней. Авторы путают и объединяют заграничные издания совершенно разных работ Тихомирова. Так, в примечании к его работе «*Les conspirateurs et policiers*» («Конспираторы и полицейские») авторы приводят ссылку на «*Russia. political and social. By L. Tikhomirov. Transl. from the French by Edward Aveling. London, Sonnenschein, Lowzey & Co., 1888, т.е. английское переиздание тихомировской «Россия политическая и социальная», вышедшей ранее на французском языке («La Russie Politique et Sociale»)*. На с. 310 приводится цитата из Тихомирова, относящаяся к 1902 г., где упоминается архимандрит Иннокентий (И.А. Фигуровский), но в примечании даётся информация о совсем другом человеке – митрополите Иннокентии (И.Е. Попове-Вениаминове). Авторов не смущает, что он скончался ещё в 1879 г. На с. 498 указано, что над темой Апокалипсиса «Тихомиров работал, начиная с 1907 г.», тогда как он трудился над ней с самого начала 1900-х гг., и об этом сами авторы верно пишут на с. 399. Искреннее недоумение вызывают такие высказывания авторов, как «грузинский общественный деятель» Николадзе (с. 146) или, что результатом студенческих беспорядков в начале 1899 г. «стало закрытие большинства учебных заведений» (с. 296–297). К большому сожалению, это далеко не полный перечень недоработок достойной, в принципе, монографии. Но только техническими недочётами дело не ограничивается. По прочтении книги возникают и некоторые возражения принципиального характера.

Отмечу, что монография базируется на материалах, которые много лет изучались авторами и были апробированы в многочисленных публикациях, статьях и монографиях. Она представляет собой образец достаточно удачной и подробной компилированной биографии Тихомирова, с массой деталей и нюансов, способных, казалось бы, раскрыть самые сокровенные глубины его души и все скрытые побудительные пружины поступков. Авторы, вне всякого сомнения, прекрасно владеют материалом и досконально его изучили, о чём свидетельствуют прекрасно подобранные цитаты из дневников и писем как самого Тихомирова, так и его корреспондентов.

Поэтому, естественно, к каждому разделу в отдельности претензий нет. Но при внимательном чтении возникает ощущение некой «лоскутности». Работа кажется скроенной из неравнозначных кусков. Это проявляется и в том, что различным аспектам жизни Тихомирова и темам его творчества даётся совершенно неравнозначное освещение. Важнейшие вопросы, позволяющие раскрыть характер, взгляды и идеологию Тихомирова, даются в крайне сжатой форме (например, его дискуссия с В.С. Соловьёвым на страницах периодической печати в первой половине 1890-х гг., с. 264–265). А сюжеты, скажем прямо, второстепенные занимают огромное место. Целиком публикуется «Письмо ИК Александру III» (с. 120–123). И если здесь ещё можно найти определённый смысл или логику, то размещение «Инструкции совету рабочих механического производства города Москвы» (с. 321–322) и «Проекта “Устава” “Общества рабочих механического производства города Москвы”» (на основании § 16 этой “Инструкции” 1901 г.) (с. 333–325) вызывает искреннее недоумение.

Очевидна заслуга авторов в обращении пристального внимания на оригинальные сословно-корпоративные теории Тихомирова (с. 268, 278, 279, 288, 290, 325, 327, 367). Его своеобразные концепции, думается, не потеряли актуальности и в наши дни (может быть, это как раз самое реалистичное из его идей на данный исторический момент). Верно подметив известные параллели в идеях Тихомирова и практиках корпоративно-фашистского государства Муссолини, авторы, на мой взгляд, чрезмерно много места уделили этим сопоставлениям, рассуждениям об итальянском фашизме (с. 290, 299, 300, 327–330, 367–369, 387, 450), и зашли слишком далеко. Вызывают настоящее недоумение надуманные аналогии между взглядами Тихомирова и национал-социализмом (с. 387). И голубь, и летучая мышь, как известно, летают, но это не делает их родственниками.

Хотелось бы увидеть некую красную нить, проходящую через всё повествование, некую основную мысль, объединяющую все разрозненные части рассказа о жизни Тихомирова в цельную жизнь. Но авторы уже в самом названии закладывают под свою работу «бомбу», когда заявляют о «двух жизнях» Льва Тихомирова. Уже это, как и весь ход дальнейшего повествования, говорит о том, что они не видят в такой сложной и многогранной судьбе некоторого стержня, общего знаменателя и основания, которое можно было бы назвать структурообразующим. А оно есть. Тихомиров практически на протяжении всей жизни вёл подробнейший дневник, который вкупе с его работами позволяет выстроить вполне целостную и объёмную картину его бытия и вдохнуть жизнь в образ этого незаурядного человека.

Почему так происходит, почему очевидные старания авторов не приводят к соответствующему результату? Думается, что они не смогли или не захотели подойти к Тихомирову и его жизнеописанию с тем чувством и настроением, о котором я писал в начале, с любовью. Не захотели его понять и прочувствовать, стать на его точку зрения, добиться самоотжествления с ним, чтобы по-настоящему осознать его внутренний мир, душевное состояние и выстроить в итоге целостную картину тихомировского мировоззрения, о чём с такой уверенностью заявляли в предисловии. На протяжении всего текста имя Тихомирова регулярно сопровождают эпитеты «амбициозный», «честолюбивый», «тщеславный», «скарденный». Пожалуй, только этим и объединяются, по сути, «две жизни» объекта исследования.

Дело в том, что герой и авторы пребывают в непересекающихся очевидным путём мировоззренческих плоскостях. В основе взглядов Тихомирова на протяжении всей его

жизни лежал религиозный фактор (на революционном этапе – квазирелигиозный, но это дела не меняет), а авторы рассуждают исключительно в материалистической парадигме. Такое несовпадение рождает не только непонимание, но и прямые ошибки. Так, О.А. Милевский повторяет ошибку, допущенную ещё в его докторской диссертации, неправильно читая тихомировский текст «облачения и сосуды для бедных приходов»³² как «облегчение ссуды для бедных приходов» (с. 311). Это можно было бы трактовать как курьёзное недоразумение, тем более, что почерк Тихомирова, действительно, весьма сложен для понимания, если бы такая трактовка текста не выдавала незнания реалий церковной жизни. Это уже имеет куда более серьёзные последствия, чем неправильное прочтение пары неразборчивых слов.

Чтобы не быть голословным, приведу только один пример. Религиозная тематика, проходящая красной нитью через весь монархический период творчества Тихомирова, не находит у авторов последовательного освещения. То есть, конечно, как внимательные исследователи, они её игнорировать не могут, но и в целостную линию не связывают, воспринимая лишь как одну из многочисленных тем тихомировского литературного наследия. Но это ещё не самое печальное. Вершиной творчества Тихомирова, настоящим венцом всех его философско-идеологических построений, полностью раскрывающим его мировоззрение, миропонимание и мировидение стала работа «Религиозно-философские основы истории». И авторы, в принципе, это понимают. Но не решаются на признание и, соответственно, освещение этого факта, так как тогда пришлось бы переосмысливать весь жизненный путь и творчество героя. А на это они или не готовы, или не могут пойти. Поэтому «Религиозно-философским основам...» из 513 страниц текста книги уделено всего около половины страницы! Авторы ограничиваются таким объяснением: «Мы не будем подробно останавливаться на анализе этой работы. Она заслуживает самостоятельного научного исследования, причём не только историков, но и специалистов в области философии и теософии» (с. 493). Это всё равно что, задумывая подробную биографию Льва Толстого, выкинуть из неё, аргументировав подобным образом, работы «Исповедь» и «В чём моя вера?».

Таким образом, можно с грустью подытожить, что заявленные исследователями в предисловии цели и задачи достигнуты не были. Фигура Тихомирова, к сожалению, получилась плоской и малоубедительной, картонной. Самое печальное, что авторы, безусловно, проделали большую работу, их книга полна чрезвычайно познавательной информации, верных наблюдений и правильных выводов. Но всё это в целостную картину не складывается, увы. Тихомиров неживой. И сами авторы, как мне кажется, это понимают. Иначе чем объяснить совершенно неоправданное с других точек зрения включение в текст обширных цитат и рассуждений авторов художественных произведений, где фигурирует Тихомиров, как не попыткой использовать навыки писателей оживлять своих персонажей? Авторы прибегли к мнению даже такого «специалиста» в российской истории как Ю.С. Семенов (с. 221)³³. Однако и этот ход оказывается проигрышным. Писатели понимают внутренний мир Тихомирова ещё хуже, чем историки, за исключением, пожалуй, только Ю.В. Давыдова. Но и он, при всём своём старании изучить Тихомирова через призму его дневников, мыслит и рассуждает теми же категориями, что и А.В. Репников и О.А. Милевский. Он точно так же оставляет главный труд Тихомирова за бортом своего внимания, возможно, повлияв тем самым и на авторов? (с. 463).

Скажу несколько слов о моём собственном понимании становления и эволюции мировоззрения Тихомирова. Религиозное воспитание, полученное в семье в первое десятилетие жизни (1853–1864), оказало важнейшее влияние на формирование личности Льва Александровича, заложило основы его религиозного мировосприятия и породило религиозные запросы, которые потом находили своё выражение в его общественно-по-

³² ГА РФ, ф. 634, оп. 1, д. 8, л. 141.

³³ В работе также использованы произведения Ю.В. Давыдова, О.Н. Михайлова, А.П. Полякова и А.И. Яковлева.

литической деятельности. Не вызывает сомнения тот факт, что достаточно быстро, ещё в гимназии, а потом и в университете, у молодого Тихомирова развиваются материалистические взгляды, что вполне соответствовало царящим в пореформенный период в молодом поколении настроениям. Однако его атеистический и антицерковный порыв имел мало общего с холодной рассудочностью либерализма, напротив, он приобрёл характер страстной, фанатической веры в возможность скорейшего социального переустройства общества и построения лучшего мира, «царства божия» уже сейчас, в этой жизни, и здесь, на земле. Народнические взгляды Тихомирова, как и многих его товарищей, несут все признаки религиозной веры и коренятся в тех же идеалистических истоках их мировоззрения, которые не позволили основной массе народников принять марксизм с его жёстким экономическим детерминизмом и приоритетом бытия над сознанием. И свою веру народники, подобно христианам апостольских времен, несли горящим факелом в народ, с готовностью шли за ней на эшафот.

Революционный этап биографии Тихомирова имел большое значение для формирования его взглядов. С одной стороны, он дал ему серьезный опыт ознакомления с разнообразными философскими и идеологическими концепциями, критического их анализа и отбора, с другой, не отразился сколько-нибудь существенно на базовых принципах мировосприятия. Однако именно в этот период сложился стержень идеологических установок Тихомирова, остающийся неизменным и в дальнейшем – вера в «самобытный исторический путь развития» России, в общинный и религиозный характер её народа, склонного к авторитаризму, признание «необходимости созидания», «поддержания порядка и прогресса», крепкой централизованной государственной власти и т.п. Тогда же в центр его философских построений помещается человеческая личность. Эта тема тоже прошла через серию трансформаций от теории «революционной критически мыслящей личности», символа и двигателя прогресса всей мировой истории до концепции личности христианской, вписанной в органическое общество, развивающееся эволюционно и живущее по религиозно-философским законам и принципам. Но всё равно именно личность будет в центре внимания Тихомирова на протяжении всей его жизни.

«Революционный период» жизни Тихомирова закончился решительным разрывом с радикальным лагерем и переходом в стан противника – лагерь консервативный. На мой взгляд, в этом переломе нет ничего удивительного или сверхъестественного. Религиозное основание его мировоззрения, освобождаясь под воздействием комплекса внешних причин от революционных напластований, заполняется христианским содержанием. Нельзя не отметить, что в этом процессе существенную роль играют именно внешние факторы: крушение партии «Народная воля», а вместе с ней и ясной революционной перспективы; тяжелейшие условия эмигрантской жизни и страшная болезнь сына; гибель любимых друзей Тихомирова, способных оказать помощь и поддержку в трудную минуту; весьма эффективная деятельность российских спецслужб, ведущих против него беспощадную игру. Однако очевидно, что без имеющегося сильного внутреннего религиозного стержня, непоколебимой мировоззренческой основы, подобные воздействия могли привести к гибели и душевному крушению, а не к идейно-нравственной трансформации и выработке положительной программы.

Монархический этап стал самым плодотворным в жизни Тихомирова. Его религиозные взгляды постепенно конкретизируются и оформляются в четкую мировоззренческую концепцию. На протяжении двух рубежных десятилетий XIX–XX вв. религиозная тематика составляет основу тихомировской публицистики. Сфера его интересов чрезвычайно обширна и охватывает как вопросы богословско-теоретического характера, так и насущные проблемы церковного управления и организации. Кроме того, из анализа публицистики Тихомирова следует, что религиозный аспект лежит в корне его социально-политических построений, «монархической идеологии», признанным выразителем которой он становится в указанный период. Всё это позволяет говорить, что у Льва Александровича уже сложилось достаточно четкое религиозно-философское видение мира, отталкиваясь от которого, он ведёт свою публицистическую борьбу.

В начале XX в. на волне социально-политических потрясений, охвативших Россию, особое место в творчестве Тихомирова занимает тема эсхатологии. Будучи неотъемлемой частью христианского мировосприятия, эсхатологическая проблематика, подробно и тщательно разработанная Тихомировым в 1900-е гг., становится логическим завершением его религиозно-философских конструкций. Поэтому в середине второго десятилетия XX в., освободившись от подённой писательской рутины и обретя определённую финансовую независимость, он смог приступить к воплощению в материальную форму своих теоретических взглядов – изложению их в виде фундаментального научно-философского труда «Религиозно-философские основы истории». В нём Лев Александрович на основании всего своего прошлого многолетнего опыта, путём длительных размышлений и поисков создаёт целостную картину бытия, охватывающую всю историю человечества от самого начала до конца его земного существования, вписанную в чёткую религиозно осмысленную систему мироздания. Естественно, что в центре тихомировской конструкции находится человек. Человек как творение Божие, имеющее заложенную свыше «мировую миссию». Эта миссия заключается, с точки зрения Тихомирова, в участии человека в борьбе трансцендентных сил за «Царство Божие». Внешнее проявление этой борьбы в человеческом мире мы наблюдаем в виде столкновений различных религиозно-философских идей, что и составляет суть человеческой истории. Свои теоретические утверждения Тихомиров подкрепляет конкретными примерами борьбы разных религиозных мировоззрений.

Важнейшим элементом теории Тихомирова является концепция завершения круга мировой истории. Будучи православным философом, он естественным образом отталкивался от идеи линейности и конечности бытия, в том числе и человеческого. Но он далёк от угрожающих «пророчествований». «Конец света» есть «нормальное» завершение мира в христианском представлении, однако важным остаётся вопрос о судьбе человечества. В тихомировском миропонимании эта судьба не предопределена, в силах и власти человека проложить себе путь к спасению, в христианском, конечно, понимании. Оттого-то и приобретает оптимистическое религиозное мировидение Тихомирова, формировавшееся на протяжении всей его жизни и нашедшее своё завершающее воплощение на страницах «Религиозно-философских основ истории», такое важное значение для нашего настоящего, когда наметился в общественном сознании поворот от узко-материалистического миропонимания к более сложному, опирающемуся на духовно-нравственные императивы³⁴.

Андрей Иванов: Разрушая миф

Особенность книги, которую мы обсуждаем, во многом предопределена уже самим фактом творческого союза двух известных историков – А.В. Репникова и О.В. Милевского, – каждый из которых является специалистом по истории двух диаметрально противоположных политических направлений русской мысли – правого и левого. Оба автора в течение нескольких лет занимаются биографией Тихомирова, к которой они подходили как бы с двух противоположных полюсов: Милевского в первую очередь интересовал «ранний» Тихомиров-революционер, а Репникова – «поздний» Тихомиров-консерватор. В результате такого творческого «тангема» получилась очень добротная монография, охватывающая 70-летний жизненный путь Льва Александровича, все этапы которого – от рождения до кончины – оказались одинаково глубоко освещёнными.

При этом обращает на себя внимание и такой немаловажный аспект как воссоздание авторами духа эпохи: перед нами не просто повествование о жизни и трудах Тихомирова, но и прекрасно представленный «задний план» – ценные и весьма интересные сведения о революционном движении второй половины XIX в.; портреты сподвижников и противников Льва Александровича; сюжеты из внутренней и внешней политики

³⁴ Более подробно об этом можно прочитать: *Шерстюк М.В.* Л.А. Тихомиров: обретение религиозного мировоззрения. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.

Российской империи, так или иначе отразившиеся в творчестве мыслителя; страницы истории русской журналистики; яркие цитаты из документов эпохи и творческого наследия самого Тихомирова, характеристика консервативной среды конца XIX – начала XX в.

Мне как исследователю, занимающемуся историей русского консерватизма и правых политических структур начала XX в., последний аспект изначально был особенно интересен. Работая над биографией одного из самых известных русских политиков-монархистов – В.М. Пуришкевича, я как-то наткнулся на резко критический отзыв последнего о Тихомирове, которого лидер чёрной сотни, несмотря на то, что Лев Александрович в начале 1900-х гг. был уже видным публицистом охранительного толка, продолжал считать «революционером». Тогда у меня возник соблазн посчитать это суждение «особым мнением» экстравагантного Пуришкевича, но как следует из монографии Репникова и Милевского, такое отношение к бывшему народовольцу было очень характерным для большинства представителей крайне правой среды, для которой новоиспечённый теоретик монархизма так и остался революционером-рenegатом. «Для абсолютного большинства “правых” он был чужим», – отмечают авторы (с. 252), убедительно доказывая своё утверждение фактами. Редактор «Русского труда» С.Ф. Шарапов называл Тихомирова «революционером, чернящим среди консерваторов государственную власть» (с. 291); крайне правые ругали его за «пресмыкание» перед П.А. Столыпиным и «высокомерное отношение к союзникам по охранительному лагерю»; член Главного совета Союза русского народа (СРН) В.П. Соколов называл Тихомирова «опаснейшим тайным врагом самодержавия»; «Гражданин» В.П. Мещерского «удивлялся» тому, как государственная власть решилась передать рупор консервативной мысли «Московские ведомости» раскаявшемуся преступнику; лидер Всероссийского союза русского народа А.И. Дубровин признавал, что его партийная газета «Русское знамя» печатает об экс-революционере, ставшим теоретиком монархизма, «мерзости», называя его «революционером»; газета СРН «Земщина» считала, что он как был, так и остался радикалом, а Пуришкевич указывал власти на то, что назначение Тихомирова на пост редактора «Московских ведомостей» привело к полному упадку когда-то ведущей консервативной газеты (с. 446–447, 484). Не сложилось у Льва Александровича и полноценного творческого сотрудничества с издателем «Нового времени» А.С. Сувориным, очень непростыми были отношения с «золотым пером» этого консервативного издания М.О. Меньшиковым. Исключение составлял лишь очень узкий круг консервативных мыслителей и публицистов, высоко ценивших творческие дарования Тихомирова – выдающийся русский философ К.Н. Леонтьев, генерал-славянофил А.А. Киреев и лидер Русской монархической партии и редактор «Московских ведомостей» В.А. Грингмут (после смерти которого газета перешла в руки Тихомирова), называвший Льва Александровича своим «alter ego» (с. 251, 293).

Таким образом, монография Репникова и Милевского разрушает довольно распространённый в современной литературе (прежде всего публицистической) миф о Тихомирове как о признанном идеологе монархизма. Таковым он стал гораздо позже, но своими современниками (за исключением К.Н. Леонтьева, П.Н. Дурново, П.А. Столыпина и некоторых других) он почти не был услышан и воспринят. И это, в общем-то, неудивительно – та среда, для которой он писал свои работы, оказалась мало восприимчива к его идеям и видела в них не столько защиту монархического принципа, сколько «крамолу», выражавшуюся в критике существующих порядков. Усугубляла его положение и репутация «царевубийцы», закрепившая за ним в консервативных кругах (с. 447). В итоге, как представляется, в консервативном лагере Л.А. Тихомирову так и не удалось достичь того авторитета и положения, которые он имел в своё время в революционной среде, небогатой самобытными и яркими теоретиками. Если революционеры до перехода Тихомирова на охранительные позиции смотрели на него как на «лучшую умственную силу», которую надо «беречь и ценить» (А.Д. Михайлов), то в правом лагере никакого пиетета по отношению к мыслителю не наблюдалось: его, как правило, продолжали воспринимать как не раскаявшегося преступника (причём в ис-

кренности этого раскаяния также сомневались), который, перейдя из одного идейного лагеря в другой, возымел дерзость претендовать на роль идеолога и поучать тех, кто считал творческое осмысление и защиту монархической идеи своим исключительным правом.

Тихомиров глубоко переживал своё положение «белой вороны» в монархическом движении, о чём красочно свидетельствуют страницы монографии. «У меня нет больше сил продолжать эту каторгу и быть соединёнными с людьми, которым я не верю и от которых не могу ожидать ничего хорошего для своих идеалов»; «я нахожусь вне современной России... Нет вокруг родственного духа, и я чужой каждому. От правых, кажется, я стою в стороне больше, чем от левых», – писал он в 1913 г. (с. 454, 458). Но была в этом и «вина» самого Льва Александровича, сразу же занявшего обособленную позицию, демонстративно дистанцировавшегося от правого движения и отклонявшего предложения от присоединения к какой-либо организованной монархической структуре. Тихомиров претендовал на роль идеолога всего монархического движения, а потому готов был «прилепиться» лишь к облачённому реальной властью вождю, способному проводить его идеи в жизнь (каковым стал на какое-то время Столыпин), но никак не подчиниться партийной дисциплине и быть вовлечённым в бесконечные раздоры, царившие в правом лагере (что было свойственно, кстати, и для Тихомирова-революционера, не желавшего быть под «игмом» партийности).

Да и в отношении власти Лев Александрович оставался более чем критичен. Защищая принцип самодержавия, он был весьма далёк от отождествления своего монархического идеала с окружавшими реалиями. После смерти императора Александра III Тихомиров всё более и более резко отзывался о представителях государственной власти, которых он считал недостойными своих высоких постов. «Нет ничего гнуснее вида нынешнего начальства – решительно везде. В администрации, в церкви, в университетах. И глупы, и подло трусливы, и ни искры чувства долга. Я уверен, что большинство этой сволочи раболопно служило бы и туркам, и японцам, если бы они завоевали Россию», – писал, он, к примеру, в феврале 1905 г. (с. 352). Интересны страницы монографии, посвящённые рассуждениям Тихомирова о перспективах русской монархии. Здесь следует отметить, что неопубликованные записи мыслителя на этот счёт (дневники, письма) крайне далеки от оптимизма. Напротив, тон их глубоко пессимистичен и лишней раз подтверждает слова, сказанные в эмиграции видным либеральным политиком В.А. Маклаковым о русских консерваторах – «В своих предсказаниях правые оказались пророками»³⁵. И, пожалуй, в чём-то прав был философ А.Ф. Лосев, считавший, что такие люди как Тихомиров шли в охранители в значительной мере из-за отчаяния...

Монография о Тихомирове получилась действительно непредвзятой. Очевидно, что авторы не во всём единомышленны в оценке своего героя и, наверное, несколько различно относятся к «революционному» и «контрреволюционному» периодам его жизни, однако беспристрастность изложения, сознательное нежелание авторов навязывать читателю свои взгляды и дать за него «простые ответы» на очень сложные вопросы, а также подлинный академизм делают рассматриваемую книгу очень ценной. Отдельно стоит остановиться и на иллюстративном ряде, который представляет самостоятельную ценность. Во-первых, в монографии представлены практически все известные исследователям на сегодняшний день фотопортреты Тихомирова, а во-вторых, книга очень богата весьма любопытными фотографиями людей, событий, изданий и мест, так или иначе связанных с жизнью Льва Александровича. Некоторые из них к тому же публикуются впервые.

Следует признать, что монография «Две жизни Льва Тихомирова» не просто удалась, а стала весомым вкладом в отечественную историческую науку и заметным

³⁵ Цит. по: Двуглавый орел. (Париж). 1929. № 34. 30 ноября (13 декабря). С. 27; См. также: Иванов А.А. «В своих предсказаниях правые оказались пророками». Русские монархисты о войне с Германией, перспективах либерализма и революции // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «История и политические науки». 2009. № 2. С. 13–20.

событием научной жизни. Главная цель – представить читательскому суду цельный и объективный образ Тихомирова – авторами мастерски выполнена. И хотя наверняка впереди нас ждёт ещё не одна книга о Тихомирове, данная работа прочно займёт своё место в историографии и станет одновременно и маяком, и высокой планкой для исследователей, которые будут обращаться к этой теме.

Василий Зверев: Психологический портрет в интерьере эпохи

В первую очередь хотел бы поздравить авторов с созданием талантливого сочинения, которое можно отнести к категории психологического портрета. Подобный вывод в отношении научной работы может вызвать удивление, если не сказать недоумение. Однако, с моей точки зрения, он вполне правомерен по нескольким причинам. Во-первых, хронологический масштаб исследования (свыше семидесяти лет) позволяет не только дать широкую панораму жизни страны второй половины XIX – начала XX в., показать эпоху через перипетии и хитросплетения биографии отдельного человека, но и проникнуть в изменяющийся внутренний мир личности, ставшей предметом анализа. Во-вторых, именно психологические особенности характера составляют едва ли не главный элемент интереса к далеко не однозначной фигуре Л.А. Тихомирова, и до настоящего времени вызывающей споры среди историков и сторонников различных политических доктрин и идеологических платформ. И, наконец, в-третьих, что крайне важно в исследовательском процессе, имеющийся массив исторических источников позволяет совокупно осветить этапы жизненного пути главного героя повествования, его мировоззрение и деятельность.

Созданный авторами портрет в интерьере эпохи представляет собой фундаментальное и целостное изложение событий отечественной истории, в центре которого находится отдельный человек, связанный тысячами нитей с современностью и современниками. При чтении книги складывается впечатление о своеобразной корневой системе с её многочисленными ответвлениями, засохшими отростками, новыми побегами, которая, может быть, и не заметна на первый взгляд, но составляет мощную подпочву истории. Задача познавательной деятельности исследователя, вероятно, и состоит в выявлении и собственном истолковании выявленных взаимосвязей, характерных особенностей, многочисленных частностей.

Репников и Милевский смогли избежать искуса максимального насыщения книги фактическим материалом в ущерб общему замыслу. При этом взвешенная и продуманная экспозиция накопленных сведений происходит не натужно, без соблюдения пресловутого научного косноязычия, а свободно и весьма динамично. Правда, для разных частей монографии это характерно в разной степени. Так, мне кажется, что главы, в которых излагается революционная часть биографии Тихомирова (формирование личности, участие в деятельности «Земли и воли», «Народной воли», эмиграция), представлены в более доступной форме, в то же время «консервативный период» отличает более академичный стиль изложения. В значительной мере указанное отличие во многом продиктовано характером материала, поскольку и сам процесс изменения мировоззрения, и формулирование принципиально иной идеологической системы взглядов требовали углублённого погружения в исследование теоретических поисков, интеллектуальной нюансировки расхождений с единомышленниками, особенности полемики с противниками. Но и в этом случае Репников и Милевский сумели избежать перегруженности текста сопутствующей информацией. Они избрали хорошо известный и апробированный способ переадресации читателя к подстрочным примечаниям. Тем самым авторы не только не наступают, образно говоря, на «горло собственной песни», но и дают возможность ознакомиться с интересующими подробностями, деталями, получить необходимую справку по тому или иному вопросу.

Ещё одно достоинство работы состоит в гармоничном сочетании формы и содержания. Выбрав традиционный проблемно-хронологический принцип, авторы сумели в 12 объёмных главах показать перипетии судьбы Тихомирова, изменение его жизненной

позиции, личные отношения с родными, друзьями и врагами, взаимодействие с властью предрержащими, надежды и разочарования. В книге не смешиваются разнообразные и разнородные сюжеты, которые имеют самостоятельное значение и вместе с тем дополняют друг друга. Мозаичность полотна повествования не вызывает ощущения эклектичности, а напротив сродни хроникально-документальной киносъёмке, в которой запечатлевается и социальный пейзаж, и бурные юношеские споры, и напряжённые размышления над судьбами страны. Объективность созданной картине придаёт отсутствие идеализации главного героя, чем порой грешат работы биографического жанра. Тихомиров показан со всеми слабостями его характера, склонностью к панике, житейской неприспособностью, скупостью, а порой даже скарденностью.

В то же время у меня вызывает возражение проведение параллелей между русским терроризмом XIX века и терроризмом XX столетия. Понятно желание авторов найти общие корни этого явления, которые в известной мере присущи в целом молодёжной среде (крайности суждений и оценок, радикальное отношение к авторитетам и т.п.). Однако поиски прямого сходства между деятелями «Народной воли» и, скажем, группой «Баадера-Майнхофф» («Фракция Красной армии») (с. 37–38) страдают некоторой натяжкой и едва ли правомерны. Другое замечание относится к причислению Тихомирова к теоретикам народовольчества. По моему мнению, в лучшем случае он играл роль неординарного выразителя определённых настроений, если так можно выразиться, популяризатора господствовавших идей. Например, сами авторы справедливо указывают на серьёзное влияние на Тихомирова Н.К. Михайловского. Правда, они склонны расценивать его идейные конструкции 1880-х гг. как «симбиоз дюрингианства и вытекающего из него “субъективного метода” Михайловского» (с. 181), в то время как легальный народнический публицист в обосновании субъективного метода в первую очередь опирался на критическую переработку теории Г. Спенсера.

Не могу согласиться и с неоднократным утверждением Репникова и Милевского о присущем Тихомирову глубоком чувстве товарищества. Этому противоречит и приводимый в монографии материал. Тихомиров предстаёт как человек, которого в первую очередь интересовали личные (в том числе и научные) интересы, в крайнем случае – интересы собственной семьи. Даже «прохладное» отношение к его идеям и проектам в консервативных кругах русского общества, правительственных сферах расценивалось им не столько с социальной точки зрения, а скорее как непонимание значимости его таланта (если не сказать гения). Весьма ярко эгоистичная позиция Тихомирова проявляется и в приводимых авторами воспоминаниях Н.С. Русанова. В них зафиксировано свидетельство самого Льва Александровича о его настроениях в день казни «перво-мартовцев». Когда товарищей по борьбе провозили на казнь мимо окон квартиры, он переживал не об их судьбе, а о собственной безопасности, опасаясь, чтобы прислуга не опознала в осуждённых частых посетителей его квартиры. Думается, что наиболее глубокий след в памяти Тихомирова (и в этом я полностью солидарен с наблюдением авторов) оставили люди, которые были более цельными личностями: обладали сильной волей, несокрушимой верой, готовностью на самопожертвование во имя однажды и навсегда выбранной цели. Тихомиров ценил в людях те качества, которыми оказался обделён сам. Его душевная отчуждённость, равнодушие и закрытость не в последней очереди привели к тому одиночеству, которое он испытывал в конце жизни, и боль от которого так часто прорывалась на страницы его дневника. На закате лет Тихомиров остался один, отринутый своими бывшими друзьями-революционерами и не принятый большинством консервативно настроенной части общества.

Виктор Шевырин: Мировоззрение или характер?

«Я – какой-то могильщик», – эти удивительные слова Л.А. Тихомирова о себе, записанные им в дневнике 22 октября 1916 г.³⁶, можно бы поставить в качестве эпигра-

³⁶ Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. М., 2008. С. 296.

фа ко всей его жизни. Новое исследование А.В. Репникова и О.А. Милевского только убеждает меня в этом, хотя они едва ли разделяют такое мнение о герое своей книги. Но что делать, если всё, к чему он обращался, становилось руинами, а горестные lamentации о втуне прожитой жизни (самим ли загубленной или загнанной, затравленной сурово-капризным русским историческим процессом) часто доносятся со страниц его дневника? Поразительные метаморфозы Тихомирова и соответственно – его творчество оставили такой причудливый шлейф в истории, что могут порождать и самые «экзотические» представления о нём.

Но самому ему хотелось быть созидателем. Тихомиров считал, что он «не был ни консерватором, ни радикалом»³⁷. И из жизни он уходил «с сознанием, что искренне хотел блага народу, России, человечеству», однако вынужден был констатировать, что его идеи и представления «об этом благе отвергнуты и покинуты народом, Россией и человечеством»³⁸. При его-то упоминаниях политических кульбитов, – и такое постоянство в желании этого блага! Многие, естественно, считали и считают его парадоксальной личностью. А простой мудрец Г.П. Федотов и вовсе развёл руками: загадка Лев Тихомиров! Знаток душ исторических знаменитостей Е.В. Тарле заклеил Тихомирова, но «наполовину», почти как Пушкин Воронцова, – как «скорбного, но подлого полупрохвоста» (с. 144). Некоторые серьёзно полагают, что только какой-нибудь новой «больной совести нашей» будет «по плечу» этот феномен. Сейчас исследователей «как прорвало»: Тихомиров в повальной историографической моде, и отношение к нему куда благосклоннее, чем в какие-либо другие времена. Есть и немало его восторженных почитателей, готовых принять идеи мыслителя как истину в последней инстанции, требующей немедленной реализации. Но перед ними Репников и Милевский благоразумно опускают «шлагбаум»: «Нельзя осушествить транзит концепций вековой давности в политическое пространство современной России» (с. 6). И вообще экскурс этих двух авторов в литературу вопроса блистателен как, собственно, и само их повествование о «двух жизнях» Льва Тихомирова, при всём том, что мысль именно о двух его жизнях не нова³⁹. Впрочем, почему две, а не три или четыре, если считать все «перелёты» Тихомирова, ведь газеты в марте 1917 г. писали о его «двойном ренегатстве», а позже он пошёл если не в советскую «Каноссу», то в КУБУ⁴⁰!

Книга и в целом «провокативна» в самом хорошем смысле слова: она побуждает к размышлениям. Так, в ней утверждается, что мировоззрение Тихомирова определяло его поступки (с. 25). Но авторы приводят и мнения его современников (В. Фигнер, Н. Морозова, Я. Стефановича и др.), видевших в основе этих поступков иные причины, а также историков, в частности, Н.А. Рожкова, находившего, что «виной всему было честолюбие Тихомирова, слишком развитый инстинкт самосохранения и стремление к материальной обеспеченности» (с. 8) и Э. Глисона, полагавшего, что «крайняя приспособляемость была отличительной чертой характера Тихомирова» (с. 20). Однако приводить эти мнения – ещё не значит их разделять. Особенности характера и психики Тихомирова принимаются во внимание в монографии, но имеют второстепенное значение для понимания её авторами эволюции их персонажа. В их интерпретации главное, так сказать, «магистраль» жизни Льва Александровича, – его «мировоззренческие установки». Но ведь бывает, что и такую «магистраль» приспособляют к «рельефу местности», к её «ландшафту», т.е. к особенностям характера и психологии, к обстоятельствам жизни. Не тот ли случай и с Тихомировым? И потому при чтении книги возникают вопросы: не завывают ли ему авторы «революционный балл», и не слишком ли подчёркивают идейную основу, его изменившееся мировоззрение, как глубинную причину его «разрыва» с революцией и перехода на сторону самодержавия? Разумеется, была и «революционность», и последующее переосмысление «багажа» радика-

³⁷ Там же. С. 132.

³⁸ Там же. С. 358.

³⁹ См., например: «Народная воля» и «Чёрный передел». Л., 1989. С. 384.

⁴⁰ КУБУ – Комиссия по улучшению быта учёных (*прим. ред.*).

лизма. И всё же, как мне представляется, на поведение Тихомирова порой мощно воздействовали и в конце концов резко выделили его из других руководителей «Народной воли» именно его психологические особенности, черты характера, личные склонности и предпочтения. А они, в свою очередь, в той мере, в какой влияли на политическую «смену вех» Тихомировым, накладывали свой отпечаток и на судьбу «Народной воли», и, в определённой степени, на историю самодержавия.

По крайней мере, мне не кажется его революционный стаж ни столь пространным (1873–1888 гг.) и ни столь беспорочным («высоко державший знамя “Народной воли” Тихомиров»), как то сказано в книге (с. 179). Едва ли он был революционером без страха и упрёка, каким его иногда изображают сейчас (С. Чесноков). В нём чувствовалась некая «червоточинка», причём с самого начала его революционного пути, чуть ли не с самого дебюта на поприще радикализма. В главе «Рождение революционера» авторы, показывая его деятельность как «чайковца», пишут, что «в революционном лагере авторитет Тихомирова как литератора был достаточно высок» (с. 56). Действительно, его «Сказка о четырёх братьях», например, разошлась в стране довольно широко. Но ведь и это факт, что «чайковцы», прочитав её в рукописи, «совсем разочаровались». С их точки зрения, она была, как сказали бы в советское время, «идеологически не выдержана», и П. Кропоткин, по решению кружка, дописал несколько страниц, после чего она «пошла в народ».

Другая сторона деятельности Тихомирова, пропаганда среди рабочих, в Москве как-то не клеилась, а в Питере была чрезвычайно короткой: в сентябре 1873 г. он приехал в столицу, а вскоре его арестовали, – случайно, на квартире его друга, С. Синегуба, тоже «чайковца». Симптоматично, что, оценивая общественно-политическое мировоззрение Тихомирова, авторы признают: «Он в это время разделял идеи скорее культурно-просветительские, нежели бунтовские» (с. 58).

Ну, а как «революционизировался» Тихомиров дальше? Сидел 9 месяцев в Петропавловской крепости и... «сломался», «порешил», по его словам, «сдаться» (с. 65). Стал «подаванцем»: написал следователю «слезницу», что не будет вести никакую пропаганду и никуда не скроется, мол, – слово революционера, только выпустите из узилища. Трудно сказать, как бы сложилась судьба подающего надежды революционера, если бы в 1876 г. его не перевели в новый дом предварительного заключения, вполне комфортабельный для того времени и, главное, с небывало «щадящим» (особенно в сравнении с Петропавловкой), либеральным режимом, настолько «вольном», что даже разрешались свидания в камерах с приходящими с воли «невестами». Тихомирова посещала С. Перовская, которая и впрямь стала его невестой.

Минуло четыре года «отсидки», и после нашумевшего «процесса 193-х», его выпустили под надзор полиции – в родные пенаты, в Новороссийск. Но он быстро понял: полиция ему не даст здесь жизни. И когда пришёл «вызов» от С. Перовской, он устремился в Питер, перешёл на нелегальное положение. И здесь «автоматом» стал членом «Земли и Воли»: за ним был авторитет революционного литератора и ореол мученика за правое дело. И с самых истоков «Народной воли», с Липецкого съезда, он в руководстве организации (член Исполнительного комитета, член Распорядительной комиссии, редактор печатного органа).

Но и в «Народной воле» Тихомиров – революционер не без «червоточинки». И это была та «язвочка», которая со временем «съела», погубила вконец революционера. Не случайно, что позже он решительно заявлял о своей непричастности к делу 1 марта 1881 г. Но его «странности» начали проявляться, к изумлению его товарищей, ещё в 1880 г., в «звёздную» пору «Народной Воли». А.П. Прибылёва-Корба заметила, что уже тюремное заключение плохо подействовало на Тихомирова, который постепенно отходил от революционной деятельности. В партии его считали теоретиком и ценили прежде всего как такового, хотя впоследствии и раздавались голоса (например, М. Фроленко), что он лишь придавал блестящую литературную форму идеям и помыслам своих коллег. Тихомиров, однако, не был литературным подёнщиком, слепо выполнявшим заказы организации. Он обобщал и развивал идеи «Народной воли», и

его статьи шли в русле её идеологии. Но не всегда. Народовольцы в большинстве своём не разделяли устремлений бланкизма. Их позиция была иной: действовать с народом и для народа. Поэтому бывшие члены Исполнительного комитета, дожившие до советских времен, посчитали копию бланкистского по духу письма к Лаврову, найденную в его бумагах, фальшивкой, порочащей их организацию. Но в 1960-х гг. в архиве отыскан и оригинал этого письма, принадлежавший перу Тихомирова. От бланкизма, как оказалось, недалёк был путь к апологетике монархии и самодержавия. Обращает на себя внимание и другой аспект литературного творчества Тихомирова, – его всё более активное сотрудничество с органами легальной печати. И он явно тяготится своими революционными обязанностями.

Летом 1880 г. Тихомиров, к негодованию А. Михайлова и других членов Исполнительного комитета, попросил разрешения вернуться в частную жизнь, хотя народовольцы, вступая в Комитет, давали слово никогда не покидать его. Тихомиров вышел из Распорядительной комиссии (мотивируя это необходимостью сосредоточиться на литературной работе партии). Годы спустя он писал, что уже с 1880–1881 гг. «нередко подмечал какой-то глубокий разлад между собой и товарищами, на вид так уважающими меня. Они искренне, конечно, полагали, что мой авторитет велик для них, но в действительности я чем дальше, тем больше чувствовал, что они меня, в сущности, не понимают... разлад был и в моей собственной душе, где всё, что ум мой выработал самостоятельно, давно боролось с приобретёнными на веру идеями революции» (с. 116). По его словам, «“верой и правдой”, по совести и убеждению, прослужил я почти до конца 1880 года. Тут я – и не я один – стал чувствовать, что в этом движении нет творческой силы. 1881 год я прожил весь уже с чисто формальной “верностью знамени”» (с. 117). С Ольгой Любатович он откровенничал: «Я не верю вообще в успех революционного дела» (с. 117).

Что же так, поистине роковым образом, повлияло на эту веру Тихомирова? И тут нельзя не обратить внимания на то, что перед тем, как он «запросился» в отставку, у него «резко проявилась шпиономания», настоящий «пароксизм малодушия», – он панически боялся агентов полиции, слежки за собой, и от этого доходил до состояния нервного срыва. А. Михайлов пытался успокаивать его, посылал для его сопровождения, обеспечения безопасности боевиков с револьверами. Исполнительный комитет, беспрецедентный случай, дал Тихомирову отпуск. Поправить здоровье. Но это состояние развивалось в нём «крещендо», усилившись с ноября 1880 г., со времени казни А. Квятковского и А. Преснякова и ареста Михайлова. Затем грянули аресты А. Желябова и Н. Клеточникова, – огромные, невосполнимые утраты для «Народной воли». Мощное «энергетическое поле» этих неустранимых, преданных революции деятелей, которое испытывал Тихомиров, резко ослабло, высвобождая все его страхи и неверие в революцию, его малодушие.

После 1 марта 1881 г. он все более «изумлял» народовольцев: надел на рукав траурную повязку по случаю смерти Александра II, ходил в церковь и «принёс присягу новому императору». В. Фигнер вспоминала, что «шпиономания, по-видимому, овладела им», и он стремился засвидетельствовать «свою благонадёжность». Она писала, что «на такие махинации никто из нелегальных не пускался до него ни при каких обстоятельствах»⁴¹. Но апогеем малодушия Тихомирова стало его поведение на заседании ИК «Народной воли» в начале марта 1881 г., вскоре после царевубийства. На этой встрече руководителей организации Фигнер закланала своих товарищей продолжить активную борьбу, провести акцию против Александра III, когда он поедет по Садовой (там уже был сделан подкоп, и всё было готово к взрыву). Но резко против этого выступил Тихомиров. Тогда он был ещё влиятельным членом ИК и мог, вероятно, склонить чашу весов в иную сторону. Однако он предпочёл, в сущности, «выйти из игры» и увлечь за собой членов ИК (а их было на заседании более 10 человек). Фигнер заклеила поведение ИК эмоционально и уничтожающе: «Это трусость!». Тихомиров и ещё один

⁴¹ Фигнер В. Запечатленный труд. Т. 1. М., 1964. С. 303.

народоволец подняли крик: «Вы не имеете права говорить так!» Остальные молчали, и дело было снято с очереди⁴². Похоже, что в отношении Тихомирова слова Фигнер попали, что называется, в точку.

Между тем в книге А.В. Репникова и О.А. Милевского это заседание рассматривается так: «Осуществлённое царевубийство поставило перед организацией вопрос ребром – есть ли наличные силы для открытого выступления. На заседании спешно собравшегося ИК выяснилось: сил нет. Правота Тихомирова не требовала подтверждения. Террор, бесконечная погоня за царём полностью обескровили “Народную волю”» (с. 119).

Тезис об «обескровленности» «Народной Воли», «исчерпавшей» себя актом 1 марта, – с давних пор «общее место» в историографии. Но была ли такая «обескровленность» в момент самого заседания, если даже при всей спешности его созыва собралось столь внушительное число членов ИК? Другое дело, что очень скоро почти все они были арестованы. Но до этого, не получилось ли так, что Исполнительный комитет «промолчав», «исчерпал» «Народную волю», не исчерпав всех её возможностей? После 1 марта не только царское правительство заколебалось, пришло в замешательство, но и «Народная воля»: сказались громадное напряжение непрестанной «охоты» на царя, аресты и казни. Кроме того, апатия и подавленное состояние народовольцев и даже их безволие прежде всего были обусловлены тем, что народ молчал и общество безмолвствовало. «Народа против царя не было», – вспоминал Тихомиров спустя десятилетия⁴³. А ведь народовольцы, как и непререкаемый их авторитет и вождь, А. Михайлов, были уверены, что террором они «дезорганизуют правительство и принудят» его дать конституцию, ибо царевубийство «освободит живые силы народных масс, недовольных своим экономическим положением, и они придут в движение, и в то же время общество воспользуется благоприятным моментом и выявит свои политические требования»⁴⁴. И то, что этого не произошло, привело их почти в шоковое состояние. О том, что молчание ИК «Народной воли» отнюдь не было трусостью, свидетельствует и письмо Комитета Александру III. В нём подчеркивалась решимость организации продолжать борьбу, если не будут начаты преобразования в стране. Но сил для этого уже не было. Письмо составлял Тихомиров, – демонстрировал «формальную верность знамени». Прав американский историк Р. Пайпс: Лев Александрович – «революционер поневоле».

А дальше у Тихомирова не столько «послужный список» революционных дел, сколько их «мартиролог». В том же 1881 г. он умчал с женой на периферию, где «залёг на дно», ничем не обнаруживая своей революционности, затем вместе с супругой выехал за рубеж (несмотря на «горячие увещевания» Фигнер остаться и продолжить работу) – сначала в Швейцарию, потом во Францию, где стал представителем «Народной воли» и издавал вместе с П. Лавровым «Вестник “Народной воли”». Авторы пишут, что «Тихомиров оказался в центре внимания эмиграции как крупнейший идеолог партии. Высокая самооценка и тщеславие, присущие ему, получили в этот период времени изрядную подпитку» (с. 145). Эти качества действительно были в такой степени присущи ему, что вместе с малодушием они нередко обуславливали его поведение, выбор жизненной позиции. И как «крупнейший идеолог» он мог удивить отношением к своему детищу – «Вестнику». Когда М.М. Ковалевский в беседе с Тихомировым критически отозвался о «Вестнике» и его «словесной кровожадности», то это, к «немалому изумлению» Ковалевского, «не встретило сильного отпора» у Тихомирова⁴⁵.

Что касается других сторон деятельности Тихомирова за границей, то они тоже могут поразить. Авторы, например, отмечают его «достаточно двусмысленное» положение в истории с Дегаевым. Тихомиров дважды встречался с ним и некоторое время

⁴² Там же. С. 307.

⁴³ Дневник Л.А. Тихомирова. С. 331.

⁴⁴ «Народная воля» и «Чёрный передел». С. 89; Фигнер В. Указ. соч. С. 345.

⁴⁵ Ковалевский М.М. Моя жизнь. М., 2005. С. 269.

скрывал от революционного подполья дегаевскую провокацию. При этом «жизнь революционеров в России Львом Александровичем в расчёт как-то особенно не принималась». Торг с Дегаевым ставил под удар «жизни и свободу молодых народовольцев в России». Оттуда слышались голоса протеста против двурушничества эмигрантского центра. Понятно, что авторам это дегаевское дело «напоминает азефовскую историю» (с. 161, 163) и, конечно, её трудно объяснить только идеологическими соображениями, не затрагивая не лучших сторон и свойств души, психики и характера «Протяжного».

Судьба Тихомирова всё больше превращалась в какую-то «биографическую кляксу». Его стал с невероятной силой терзать страх за его будущее и за самую жизнь. К нему всё ближе подбирались агенты русской полиции и прежде всего П.И. Рачковский, мечтавший о выдворении Тихомирова из Франции и предании его российскому суду. Авторы справедливо отмечают, что деятельность полиции «вызвала пароксизм страха у Тихомирова». Он стал искать заступничества у Ж. Клемансо и добился у него аудиенции. Клемансо был поражен жалкой фигурой Тихомирова, трясущейся от страха: «Я увидел человека вне себя от страха, с прыгающими по сторонам глазками, дрожащими руками, бессвязным лепетом: мосье Клемансо, мосье Клемансо» (с. 180).

Такой Тихомиров мог раскаться в чём угодно: у малодушия и страха нет строгих принципов и твёрдых убеждений, и политическое сальто-мортале – это то, что следовало ожидать от него. Конечно, при этом он учитывал общественно-политическую ситуацию в России и в Европе. Льву Александровичу импонировала укреплявшаяся и растущая (как казалось ему) самодержавная Россия, её своеобразие и мощь. И при этом у него было понимание, что «Народная воля» уже безвозвратно канула в Лету. Но к ренегатству подталкивал его и широкий спектр привходящих обстоятельств: материальная обездоленность, болезнь любимого сына, влияние жены, «зацикленной» на быте, и многое другое.

И Тихомиров разразился брошюрой «Почему я перестал быть революционером». Книжница оказалась суперрезонансной: и автор был «птицей высокого полёта», да и сам «перелёт», в ту пору, когда ещё живы были высокие понятия о чести, достоинстве и благородстве, имел вид чего-то чрезвычайного и «нечистого». В революционных кругах ренегатство вызвало понятное негодование, но причин его называлось не много и чаще всего, – болезненная психика и неустойчивость революционных принципов бывшего «Тигрича». Сам Тихомиров многократно повторял, что его новая вера в монархическую, самодержавную Россию явилась результатом того, что он понял всю ложность революции и полностью изжил её в себе. Но всё-таки здесь и более прозаические вещи «делали погоду». В 1892 г. он как-то упомянул о двух своих постоянных «качествах»: малодушия и высоком мнении о себе. Опасность и бесперспективность пребывания Тихомирова за границей и продиктовали его «поворотную» брошюру. Обратившись с ней с покаянным письмом к царю, Тихомиров пошёл, в сущности, ва-банк. И он умел так убедительно раскаться, что монарх принял то решение, на которое и рассчитывал Лев Александрович: «Он нам ещё пригодится». П.И. Рачковский, кажется, не так далёк был от истины, когда предположил, оценивая брошюру и письмо, что «новая выходка Тихомирова направлена к созданию себе особого политического положения, взамен того, которое он утратил», и что «в настоящее время Тихомиров считает возможным занять общественное положение умершего Каткова». Можно лишь согласиться с авторами, которые признают, что мнение полицейского агента не лишено основания, поскольку он изучил особенности характера Тихомирова и «хорошо понимал его честолюбивые планы» (с. 213).

О своём честолюбии и призвании быть чуть не мессией Лев Александрович странно рассуждал в дневнике: «Я воображал, будто принадлежу не к категории сотен миллионов, а просто сотен, более или менее “избранных”»⁴⁶. И он имел, видимо, потенции для этого. Один бывший гимназист керченской гимназии вспоминал, что Тихомиров «решительно выдавался уже тогда; сочинение, им написанное, до того пора-

⁴⁶ Дневник Л.А. Тихомирова. С. 55.

зило учителей, что они не могли поверить в принадлежность его ученику гимназии»⁴⁷. Своё честолюбие бывший революционер донёс до могилы. Он и в старости обиделся на В. Фигнер, когда прочитал в её мемуарах, что она не поставила его в «иерархии» «Народной воли» на второе место после общепризнанного лидера (А. Михайлова). Он с большим удовольствием вспоминал также, что из встречи с ним в январе 1889 г. министр Д.А. Толстой «вынес от меня самые лучшие впечатления, нашёл, что я умён, талантлив и, очевидно, безвозвратно осудил, революцию... Все это он сказал Дурново, а Дурново передал мне, сказавши что я имел у графа “огромный успех”»⁴⁸.

В стремлении влиять на российское общество в новом качестве идеолога самодержавия, Лев Александрович быстро обзавёлся единомышленниками (К. Леонтьевым, К. Победоносцевым, А. Киреевым и др.). Киреев побуждал Тихомирова выработать идеологию. Но его и не надо было «понукаль»: он сам страстно, даже с азартом занимался этим делом, лишь сожалея, что в России слишком мало истинных монархистов. И одну из работ он посвятил своему кумиру – Александру III.

В современной литературе иногда задаются вопросом: был ли Тихомиров человеком «невоплощённого дела»? По определению самого Льва Александровича, он – человек теории, из которого жизнь сотворила «практического деятеля», и он «вышел серёдкой наполовинку»⁴⁹. Но не так уж неправ историк В.Н. Костылев, считавший, что Тихомиров и Победоносцев вселяли твёрдость в Николая II, чтобы он следовал заветам отца⁵⁰. Как замечали современники, самодержец первые пять лет своего царствования правил тенью родителя. И бывший революционер, уверовав в самодержавное будущее России, верой и правдой служил ему. Порой Тихомирова называли «консервативным славянофилом». Сам он не считал себя консерватором. Однако вкуче с Победоносцевым и другими сторонниками самодержавия «подмораживал» Россию, – «не просто так» у него наметились было и тёплые отношения с К. Леонтьевым. Но всемерная поддержка курса Александра III, неприязнь к новым веяниям и ценностям, отрицание необходимости глубоких преобразований в стране, в конечном счёте, не только не служили укреплению монархии, но и ослабляли, подрывали её. И даже попытки Тихомирова влиять на рабочее движение в рамках зубатовского «эксперимента» не отводили рабочих от революции, а, наоборот, приобщали к ней. Лев Александрович предчувствовал приближение революции, страшился её и боролся с ней по своему разумению. Он боялся, что интеллигенция может так «отлибералить» Россию, что от неё ничего не останется. Более же всего он хотел победы «монархической государственности» и в 1905 г. написал о ней книгу, гордился этой работой («в которой, право, как никто до меня на свете, изложил её философию»). И это, писал он с горечью, «явилось в дни смерти монархического принципа. Какая-то эпитафия или надгробное слово на могиле некогда великого покойника»⁵¹. Но тогда, по своей усвоенной манере влиять на сильных мира сего, он послал книгу императору Николаю II и кайзеру Вильгельму II. Он выработывал и программы реформ и пытался заинтересовать ими правительство и высшие сферы. Но уже в 1905–1907 гг. он сознавал, что не годится более для жизни общественной: «тогда уже вполне увидел, что *моей* России пришел конец, а новой – я не умею служить, потому что не согласен с её планами самоуничтожения»⁵². Что ж, светлое будущее всегда оправдывает лучшие ожидания пессимистов.

Одно время им почти увлёкся П.А. Столыпин, о котором Лев Александрович был высокого мнения как «государственнике» и истинном монархисте. И хотя председатель Совета министров способствовал тому, что Тихомиров стал главным редактором «Московских ведомостей», практическими советами бывшего революционера он пренебрёл.

⁴⁷ Былое. 1926. № 3(37). С. 15.

⁴⁸ Дневник Л.А. Тихомирова. С. 126.

⁴⁹ Там же. С. 55.

⁵⁰ Костылев В.Н. Лев Тихомиров на службе царизма. М., 1986.

⁵¹ Дневник Л.А. Тихомирова. С. 296.

⁵² Там же. С. 232.

Так, премьер-министр считал, что вернуться к совещательной Думе значило бы спровоцировать революцию. И работа Тихомирова в газете не была удачной. Это издание, и при прежнем редакторе влчившее жалкое существование, при Тихомирове стало и вовсе скучным, малотиражным, и дышало на ладан. Но при этом доставляло ему и обиды, и неприятности, вплоть до того, что с 1 января 1914 г. он лишился редакторства, его «ушли» из газеты.

В последнее десятилетие жизни Тихомиров «не у дел». Но дневник отразил его насыщенную духовную жизнь. Львиная доля заметок и размышлений – о войне, тех катастрофических изменениях, которые она вызывает, приближая неизбежную революцию. Он с отчаянием пишет, что это уже не его страна, не его народ, и он нередко даёт им крайне нелестные характеристики. Жизнь так часто обманывала Тихомирова, и он сам так часто обманывался, что решил понять ход исторического процесса, смысл истории. И не в силах сделать это, он бессильно опускал руки. Последним его доводом и надеждой стала лишь вера в Бога. Религиозные мотивы резко усилились и в его творчестве. Феерическое развитие событий в стране лишало Тихомирова всякой возможности предвидеть даже ближайшее будущее, и он «плыл по течению», порицая монарха за слабую и неумную политику, за неумение придать государственному кораблю остойчивость. В марте 1917 г. официально признал Временное правительство. Признал он и советскую власть, но косвенно, опосредованно, – обратился за помощью в КУБУ. Получил паёк 3 категории. И при этом осторожничал: не включил в список своих трудов ультрамонархические сочинения, ничем не обнаруживал своего отношения к новому режиму. И дневник закончил 16 октября 1917 года: нет его реакции на Октябрьскую революцию, деяния большевиков. Авторы правы, когда пишут о «политическом поражении Тихомирова», выразившемся в идеологической капитуляции перед большевистской властью (с. 511).

Но для него было настоящей трагедией признать: «Я был слеп. Я не видел страшной внутренней гнилости России»⁵³. При Александре III «видно, всё держалось личностью царя. Умер царь, и оказалось в стране гнилая пустышка», хотя тогда, при нём, было много «светлых и бодрых надежд», и казалось, «воскресала русская духовная сила и ежегодно возрастала русская мощь». И какое «страшное крушение!»⁵⁴. Он видел, что ни монархисты, ни сам «монархический принцип» не могут уже играть в России сколько-нибудь значительную роль⁵⁵. Действительно, монархизм «получил драму», несовместимую с жизнью.

Тихомиров вовсе не был «мелким бесом», крестившимся в купели самодержавия, а вечным странником в мятущейся России, который всегда стремился соответствовать ей и «быть на гребне» её многообещающего и великого вала, но каждый раз выбирающим не ту историческую волну, которая возносит, а ту, что низвергает в пучину политического крушения.

Материал подготовлен С.С. Секиринским

⁵³ Там же. С. 166.

⁵⁴ Там же. С. 273, 116.

⁵⁵ Там же. С. 274.